

С. В. Шачин

кандидат философских наук, доцент, независимый исследователь
г. Мурманск

К вопросу о стратегии освоения Арктики на основе реализации потенциала арктической антропологии

Цель статьи заключается в том, чтобы наметить контуры новой стратегии освоения Арктики. Она предполагает использование возможностей холода в качестве источника развития как человека, так и человеческого рода в целом. Для этого необходимо преодолеть представление об Арктике как экстремальной для жизни среде, в которой необходимо создавать условия жизни, аналогичные тем, что характерны для средних широт. При этом потребуются огромные ресурсы, но результаты не могут быть стабильными. Надёжное освоение Арктики возможно только на основе изменения антропологии человечества. Чтобы понять, как это возможно, применяется методология И.-Г. Фихте, почерпнутая из его работ, посвящённых наукоучению. Она позволяет увидеть, что представители Арктической циркумполярной цивилизации создали коллективное сверхсознание, в котором арктическая жизнь представляет собой реализацию их коллективного устремления к свободе. Проведены социально-феноменологические исследования на основе идей российских антропологов, которые позволяют описать характеристики такого сверхсознания: пребывание в постоянном движении, что порождает способность воспринимать природный мир как продолжение своего тела, а также извлекать из холода особую энергию и информацию, которая становится основой особых форм организованности как в технологиях самообеспечения, так и в социальном устройстве. Вывод: холод является одним из условий возможности цивилизации как в генетическом смысле (без холода было бы невозможно становление цивилизации), так и в содержательном (холод в преобразованном виде содержится в современной цивилизации в самых разных своих проявлениях). Арктический холод позволит человечеству прийти к более глубокому осознанию самого себя, а отсюда – к формированию более разумного общественного строя. Новая цивилизация на Севере сумеет сохранить всё лучшее, что было в арктической циркумполярной цивилизации до прихода в северные земли индустриального человека, но преодолеет её замкнутость и традиционность, приводившие к самодовлению на окраине Ойкумены.

Ключевые слова: *холод, цивилизация, наукоучение, социально-культурная феноменология, философская антропология, кочевничество, Арктическая циркумполярная цивилизация, свобода, гуманизм.*

S. V. Shachin

Ph.D., Independent Research Worker, Murmansk

To the Question About the Arctic Development Strategy Based on the Implementation of the Potential of the Arctic Anthropology

The purpose of the article is to outline the contours of a new strategy for developing the Arctic. This strategy involves using the possibilities of cold as a source of development for both humans and the human race as a whole. To do this, it is necessary to overcome the idea of the Arctic as an extreme environment for life, in which it is necessary to create living conditions similar to those typical for the middle latitudes. This will require huge resources, but the results cannot be stable. Reliable development of the Arctic is possible only on the basis of changes in the anthropology of mankind. To understand how this is possible, we use the methodology of I. G. Fichte, taken from his works about the Epistemology. It allows us to see that representatives of the Arctic circumpolar civilization have created a collective superconsciousness, in which Arctic life represents the realization of their collective aspiration to freedom. We conducted socio-phenomenological research based on the ideas of Russian anthropologists, which allow to describe the characteristics of the superconscious: to stay in constant motion, which gives rise to the ability to perceive the natural world as a continuation of one's own body, and the ability to extract from the cold special energy and information that becomes the basis of particular forms of organization in technology-reliance, and a social device. Conclusion: cold is one of the conditions for the possibility of civilization both in the genetic sense (without cold, it would be impossible to become a civilization), and in the content (cold in the transformed form is contained in modern civilization in its various manifestations). The Arctic cold will allow humanity to come to a deeper awareness of itself, and hence to the formation of a more reasonable social order. The new civilization in the North will be able to preserve all the best that was in the Arctic circumpolar civilization before the arrival of an industrial man in the Northern lands, but it will overcome its isolation and tradition, which led to self-sufficiency on the outskirts of the Oikumen.

Keywords: cold, civilization, science, socio-cultural phenomenology, philosophical anthropology, nomadism, Arctic circumpolar civilization, freedom, humanism.

1. Введение.

1.1. Актуальность темы: как не стоит думать о Севере. Сама постановка вопроса о соотношении холода и цивилизации представляет собой радикальный вызов обыденному сознанию. Ведь холод ассоциируется с местом максимальных страданий, с пространством,

которое надо в любом случае постараться покинуть; люди, которые там живут, – с сообществом неудачников, которые там находятся не по своей воле, причём это сказано ещё обтекаемо – трагический опыт XX века позволит говорить совсем другие слова: это есть общество «последней границы, за которой уже ничего человеческого нет в человеке, а есть только недоверие, злоба и ложь» (см. напр.: [1]). Взаимоотношения между холодом и цивилизацией могут быть однозначно такими: надо всячески от холода экранироваться, надо создавать искусственную среду, в которой было бы комфортно человеку средних широт (то есть расширять пространство индустриального типа в высоких широтах Арктики и Антарктики). А если на данную деятельность в условиях всемирного экономического кризиса не хватает ресурсов, то возможны два варианта, один – предельно социалдарвинистский, а второй – не очень. Первый заключается в том, что в средних широтах будет перманентный социальный хаос и у людей данного общества не будет там вообще никаких перспектив – вот они и будут волей обстоятельств загнаны на Север добывать сырьё для более развитых индустриальных стран. И второй, распространённый сейчас: надо просто-напросто осваивать Север вахтовым методом (если уж вариант с заключёнными кажется нам противоречащим гуманизму), а также в связи с распространением роботов поручить именно им самые тяжёлые и грязные работы на полюсах холода и местах долгой полярной ночи...

Казалось бы, разве возможна другая постановка вопроса? И приведённые в предыдущем абзаце откровенные слова могут шокировать своей смелостью, но разве содержится в них что-то новое? А если эти слова оскорбляют коренные народы Севера, то почему нельзя предоставить им какую-то компенсацию в форме содействия развития их малого бизнеса в области туризма или народных ремёсел, причём всё это будет делаться по сути ради того, чтобы они зарабатывали деньги и переселялись в тёплые края (разве не этого они все по-настоящему и хотят)? Впрочем, можно с ними поступить по принципу «нет объекта – нет и проблемы», правда, им об этом говорить не стоит...

1.2. Цель и задачи статьи. Но авторы таких «трезвых» рассуждений не поймут, что может быть подвергнута сомнению именно исходная предпосылка их обыденного мышления, откуда может быть совершён переход к подлинно философской точке зрения. То есть

в предлагаемой статье посредством критики обыденного понимания Арктики (исходящего из молчаливо подразумеваемой предпосылки, что Арктика есть место страданий, в том числе и вследствие холода) будет выработан метод для ответа на исходный вопрос: «А что вообще общего между холодом и цивилизацией?». Именно этот метод и позволит создать совершенно иную науку о Севере, чем та, что скрыто подразумевается здесь, и на базе этой науки выработать новую стратегию освоения Севера на основе идеи о том, что необходимо развивать потенциал холода как для раскрытия возможностей самого человека, так и для творческого переосмысления социальных форм, традиционных для «арктической циркумполярной цивилизации» [2]. Другими словами, на Север надо переносить индустриальный образ жизни с соответствующей ей социальной средой, а создавать другую, более сложную жизненную форму, опираясь на опыт арктического человечества и на скрытые резервы человеческой природы.

2. Методы исследования, теоретическая база. В процессе рассмотрения вопроса о возможности более сложной стратегии освоения Арктики сначала будет привлечён метод наукоучения Фихте, чтобы показать роль сознания и самосознания в процессе создания Арктической циркумполярной цивилизации как в историческом ключе (то есть ту роль, которую сознание уже играло в прошлом), так и в конструктивном (роль сознания в деле выработки сложной стратегии освоения Арктики, нацеленной на создание здесь более сложной жизненной формы, чем индустриальная). Мы придём к предварительному выводу о том, что освоение Севера надо понимать как одну из форм раскрытия свободы. Для того чтобы конкретизировать этот вывод, мы обратимся к идеям российского историка А. Головнёва и опишем конкретно то содержание свободы, которое открыто северному человеку. Эти рассуждения позволят нам наметить некоторые положения социально-культурной феноменологии северного человека. Отсюда возникнет понимание отправных пунктов для сложной стратегии освоения Арктики, о которой говорилось выше.

3. Результаты исследования и их обсуждение.

3.1. Метод наукоучения Фихте и его применение: основные положения. Начнём мы с рассуждений на, казалось бы, отдалённую тему: а что такое, собственно говоря, человек? И тут мы присоединяемся

к большой традиции философской антропологии в Германии, которая постоянно указывала на «эксцентричность человека», его неспособность вместиться в какие-то поставленные извне рамки, его способность дистанцироваться от мира в целом¹. Дело в том, что у человека помимо физического тела есть и сознание, а тут лежит тайна онтологического уровня, разгадать которую означает получить ключ чуть ли не к сути бытия (поэтому философия всё время своего существования и занята этой проблемой отношения сознания и природы, телесно-биологического, то есть доступного чувственному восприятию, материального уровня бытия, в том числе и в самом человеке).

В этом месте мы обратимся к Фихте, чтобы найти в человеке тот потенциал свободы, благодаря которому он и становится эксцентричным и необычайно пластичным. Как известно, в своих работах, посвящённых «наукоучению», Фихте раскрывал природу самосознания в его взаимоотношении с миром в целом. Наше сознание полагает внешний мир в результате свободной деятельности, причём последняя даже не является нашей принадлежностью, а является порождением спонтанной активности большого («интеллигбельного») Я, к которому каждое конкретное сознание имеет определённое отношение. Дадим слово самому И.-Г. Фихте. Я «является в одно и то же время и тем, что совершает действие, и продуктом этого действия... Я есмь есть выражение некоторого дела-действия» (цит. по: [5, с. 78–79]). Данное действие есть последнее основание Я, то есть Я бытийствует из самого себя, а не откуда-то ещё: «Я возникает первоначально для самого себя впервые лишь через этот акт и только через него, через действие на самодействие, каковому определённому действию не предшествует никакого действия вообще» (цит. по: [6, с. 485]). Однако существование Я с неизбежностью порождает и существование *не-Я*: «Как только Я существует для самого себя, то необходимо возникает для него также и бытие вне его» (цит. по: [6, с. 483]). Не-Я внешне предстаёт как что-то, что ограничивает активность самого Я, однако более глубокое рассмотрение проблемы даёт понять, что на самом деле именно из внешнего мира, из того, что предстаёт как не-Я, само Я полу-

¹ См.: [3, S. 24]: «Являющийся личностью индивидуум... есть субъект своих ощущений и акций, своих инициатив. Он знает, он живёт. Его существование действительно поставлено перед ничто». См. об этом также: [4, с. 10–12].

чает некий импульс к самоосуществлению, к развитию всех своих внутренних способностей. На самом деле, этот толчок исходит даже не от самого мира, а от других Я, которые опосредованно влияют друг на друга через посредство внешнего мира, тем самым создавая особую реальность, словами Фихте: «Как бы ни представлять себе тот общий мир, с точки зрения его бесконечности или конечности, непосредственно ясно, что заключённая в нём нравственная задача ... есть нечто конечное, что может быть реализовано, и что когда-нибудь в действительном времени будет реализовано – само собой разумеется, суммой всех индивидов, ибо целое распределено только между индивидами, и только в сумме их оно вполне выражается. А весь общий чувственный мир существует только для того, чтобы в нём стала реальной и созерцаемой нравственная задача» (цит. по: [7, с. 529–530]). Итак, от изолированного самосознания Фихте переходит к абсолютному самосознанию, которое постепенно образуется по мере того, как каждое самосознающее существо начинает выполнять своё предназначение – становление этого абсолютного самосознания и есть нравственная задача человечества.

Впрочем, некоторые места из произведений Фихте позволяют утверждать, что он мыслил это абсолютное самосознание уже объективно существующим в качестве синтеза противоположных друг другу «отдельных» Я и внешнего мира и как условие возможности этой противоположности между Я и внешним миром: «Таким образом, Я подлежало бы рассмотрению с двух точек зрения: как такое, в котором полагается не-Я, и как такое, которое противопоставляется не-Я, и, следовательно, само полагается в абсолютном Я. Последнее Я должно быть, поскольку оба полагаются в абсолютном Я, равно в нем не-Я и в том же отношении ему противоположно» (цит. по: [9, с. 60–61]). Другое место – из «Фактов сознания»: «Я не может мыслить раньше своего бытия и творить своего творца. Следовательно, Я – такое же произведение всеобщего мышления, как и внешний объект, и оно также даётся в этом мышлении, как и внешний объект...» (цит. по: [8, с. 413–414]).

Эти два способа интерпретации Фихте (абсолютное самосознание как уже объективно существующее и как нравственная задача, которая ещё должна быть решена изолированными Я по мере того, как они максимально разовьют свою активность во внешнем мире и достигнут тем самым нравственной самореализации)

могут быть соотнесены друг с другом за счёт диалектического метода, который развивает Франкфуртская школа на пути обоснования интерсубъективности. Может быть, абсолютное самосознание и существует, например, в качестве находящегося на «заднем плане» жизненного мира, но оно ещё должно перейти из состояния нереклексивности и потому относительной неоформленности в развитое состояние, предполагающее раскрытие своего собственного содержания, то есть стать интерсубъективностью. Такой способ интерпретации учения Фихте о естественном праве предлагает А. Хоннет: «Это и есть тот аспект самосознания, осознания собственной самодеятельности, который пытается прояснить Фихте с помощью своего учения о „приглашении“ („Auf-forderung“) [имеется в виду то обстоятельство, что другой субъект приглашает Я совершить этот самый акт свободной деятельности, так что лучше всего это может быть интерпретировано как высказывание – об этом Хоннет пишет на S. 44 – С. Ш.]; и с осознанием того, что такое самосознание обязательно имеет своим элементарным условием понимание речи другого, обращённой ко мне, Фихте открыл путь философской традиции, простирающейся от Гегеля через Дж. Г. Мида к Ю. Хабермасу» (Цит. по: [10, S. 46]). Что же касается Ю. Хабермаса, то он различает жизненный мир как сферу самоочевидностей, находящейся позади оснований (im Hintergrund) участников коммуникации и ещё не проблематизированный, и жизненный мир, который уже переработан участниками коммуникации исходя из установки рефлексивности и потому ставший расчленённым и сложно структурированным, в соответствии со своими основными смысловыми аспектами (см.: [11, S. 182–228]). Таким образом, коллективное самосознание ещё должно *стать* развитым, а сама Арктическая циркумполярная цивилизация должна пройти разные фазы своего становления, чтобы перейти из потенциального в актуальное состояние – именно в обосновании этого может состоять новая методологическая идея, которая позволит творчески продолжить теорию Арктической циркумполярной цивилизации [2].

Уже отсюда становится понятным, что описанное в начале текста представление о Севере является не объективным, а продуктом неосознанной проекции содержания сознания людей, Север совершенно непонимающих и в силу этого способных только убежать от «северного» содержания в мир, который им более привычен; а раз

так, то их представления мало что дают нам для понимания сути дела, и мы можем пока что от них абстрагироваться (хотя позже можем и найти в них конструктивное зерно).

Но есть мир северных народов; есть Арктическая циркумполярная цивилизация; и поскольку мы стоим на точке зрения Фихте, то мы уже не можем свести этот мир к совокупности странных артефактов непонятных нам сообществ. Вместо этого мы должны понять: коллективное сознание этих народов *в результате свободной деятельности* каким-то образом полагает то содержание, благодаря которому они и оказываются способными жить в Арктике, и вовсе не находясь при этом в состоянии вечных страданий, а наоборот – будучи в гармонии со своей средой жизни (более того: этой гармонии даже стоит поучиться, хотя автоматически её принципы не могут быть перенесены в другие условия) (см.: [2, с. 39–40]). Что это за странное полагание, каковы его принципы?

3.2. *Опыт дополнения идей И. Г. Фихте идеями А. Головнёва.* Тут мы опять рискуем попасть в пространство «никто не обнимет необъятного», и потому мы сделаем следующий шаг в рассуждениях, который продвинет нас к нашей цели. При этом мы будем основываться на идее А. Головнёва, которую он высказывает в своей книге «Феномен колонизации», о том, что нельзя считать всех людей на Земле исключительно оседлыми, привязанными к определённым комфортным условиям своей жизни, а есть и совершенно иной тип, к которому оседлые даже относятся с враждебностью, но, тем не менее, реально существующий. Это – тип прирождённого путешественника, для которого смыслом жизни является дорога, освоение новых земель, который получает удовольствие от нахождения в постоянном движении и который отправляется в те места, что воспринимаются как необитаемые только потому, что именно там он находит желанную ему сердцу свободу. А последнюю он понимает вовсе не как совокупность удовлетворённых телесных потребностей и безопасность, (т. е. так, как понимают люди на первом уровне так называемой «пирамиды Маслоу»). Свобода для него тесно связана с властью над собой, что в конечном счете позволяет ему господствовать и над другими (обо всём этом см.: [12, с. 31–34, 91–97, 420–426]).

Как же происходит полагание содержания сознания людьми пути, кочевниками? Наверное, они ощущают непреодолимый *зов бытия*, который служит для них путеводной звездой и за которым

они осмеливаются отправиться. И по мере освоения неведомого такие люди вовсе не оказываются в ситуации ущемления или надлома, а наоборот, вместе с этим зовом и преодолением необычных пространств развивают в себе совершенно иные способности, неведомые оседлым жителям, и благодаря этому постепенно оказываются способными восстановить равновесие с окружающей средой на совершенно ином уровне. Под равновесием имеется в виду вовсе не унылая энтропия, а состояние максимума вещественных, энергетических и информационных обменов с окружающей средой, которое порождается согласованной целенаправленной деятельностью всего «кочующего» сообщества в целом. И освоение Севера – это часть стратегической цели человечества по движению в неведомое, причём ещё российским философам-космистам было известно, что ограничивать сферу жизни разумных существ только областью благоприятных и комфортных условий означает лишать род человеческий одного из сущностных смыслов его пребывания в бытии: жизнь есть феномен космический, а разумная жизнь призвана постепенно справиться с вызовом бесконечности и освоить Вселенную, чтобы на этом пути решить загадку смерти (см.: [13; 14]). Поэтому тот опыт, что выработан человечеством при освоении Севера, очень пригодится при нашем расселении в ещё более необычные и несвойственные нам условия за пределами нашей планеты...

Какое содержание «кочующего сознания» оказывается реализованным в условиях именно Севера, в условиях холода? Какая цивилизация может быть там, причём тут имеется в виду именно её духовная сущность (потому что описанием материальных артефактов можно заниматься очень долго, но это – не задача философа)?

Мы исходили из того, что движение к освоению новых земель есть одно из проявлений изначальной свободы разумного человечества; следовательно, на Севере можно тоже ощутить себя свободным, и вот это уже будет каким-то необычным выводом, что-то сохраняющим от господствующей сейчас неолиберальной идеологии, но вместе с тем трансформирующим её до неузнаваемости. Более того, идея свободы настолько неисчерпаема, что северные люди могут находить в ней какие-то свои особые оттенки смысла, и именно благодаря этому они оказываются в гармонии с самими собой. Ведь свобода является не просто одним из фундаментальных свойств самосознания, она, по Фихте, вообще тождественна с само-

сознанием: суть последнего и свободы оказываются изначально сопряжёнными – в этом и состоит вывод из трудов Фихте (см. напр.: [7, с. 153]; [15, с. 96]).

3.3. Заметки о социально-культурной феноменологии сознания северного человека. Итак, какие конкретно характерные содержания свободы открыты северному человеку? Мы можем раскрывать его духовный мир с позиции социально-культурной феноменологии (см.: [16; 17]). Для северного человека принадлежность к жизнеспособному местному культурному сообществу служит одной из существенных характеристик. Необходимо формирование общего символического пространства для коллективов северных жителей, а оно оказывается сопряжённым со сферой сакрального – то, что истоки коллективного самосознания лежат в сфере религии, было известно ещё Э. Дюркгейму (см.: [18]; [11, S. 75–86]). Этим объясняется благоприятная социокультурная среда для развития религиозных способностей.

Но и с чувственностью-то мы расстались рано: особые холодные условия Севера позволяют по-особому развить зрение, слух, утончить осязание, сделать совершенно иным обоняние, почувствовать вкус морозного воздуха в мороженой рыбе и мн. др. Эскимосы знают сотни оттенков снега; в чёрном цвете неба полярной ночи есть также множество оттенков; а если в ночи вспыхивает полярное сияние, которое иногда может быть даже слышимым, то тонко чувствующий человек вообще может ощутить себя свидетелем некоего космического разговора между Солнцем и Землёй... Север есть пространство контрастов, особенно в марте, когда происходит стремительный выход из темноты к свету, днём повсюду рассеян особый ультрафиолет, что может быть даже доступен осязанию и чуть не обонянию (что с лихвой покрывает его недостаток в тёмный период года). И неповторима в своей эстетике белая летняя ночь, а за Полярным кругом очень красив полярный день. Приход на Север долгожданного тепла в июне может породить душевный подъём, отображённый в живописи народов Севера (почему в ней такое внимание уделяется Солнцу). А в конце лета природа даёт северному человеку лета те плоды, которые ему особенно нужны.

Разве можно рассматривать холод как однозначный фактор страданий, а не как средство к самореализации человека в особых аспектах? Например, зимнее плавание способно изменить самые ос-

новы телесности (почему у русского народа существует тысячелетний обычай омовения в проруби на Крещенскую ночь); постоянное движение на холоде способствует сохранению внутреннего тепла, которое может быть даже чем-то большим, чем просто поддержанием температуры тела: может быть, холод каким-то глубинным, метафизическим уровнем связан с огненной сущностью человечества, и открытие этой связи есть дело будущего (об этом см.: [19]).

4. Выводы. Нам осталось рассмотреть, что же общего может быть между понятиями *холод* и *цивилизация*, чтобы на базе полученных результатов наметить более сложную стратегию освоения Севера, чем автоматический перенос в высокие широты образа жизни индустриального человечества.

Мы при этом опираемся на идею Фихте о самосознании в его универсальности, то есть о коллективном сверхсознании человечества. А при конкретизации содержания мы будем рассматривать мир как органическое целое, которое развивается в коэволюции с человеческим родом (о коэволюции см.: [20, 21]). Речь идёт о том, что без настоящего постижения сущности холода человечество до конца не сможет осознать содержание своего сознания и развить те способности, которые необходимы для выполнения своей миссии сознательного руководства всей мировой эволюцией.

Именно так мы и поймём связь между холодом и цивилизацией. Холод является одним из условий возможности цивилизации как в генетическом смысле (без холода было бы невозможно становление цивилизации), так и в содержательном (холод в преобразованном виде содержится в современной цивилизации в самых разных своих проявлениях, от добытой в холодных широтах нефти до современных камер охлаждения, в том числе и в косметологии). Но ещё важнее следующее: холод позволит человечеству прийти к более глубокому осознанию самого себя, а отсюда – к формированию более разумного общественного строя, соответствующего достоинству каждой личности и человечества в целом, то есть, более цивилизованного общества... Итак, Север через холод (и не только) может повести человеческую цивилизацию к реализации универсальных ценностей гуманизма.

5. Заключение. Таким образом, освоение Севера возможно благодаря тому, что человечество окажется способным найти в своём самосознании новое содержание свободы, что поведёт к форми-

рованию таких жизненных форм, которые будут способны сделать сущность холода субстанциональной основой северной цивилизации. Эта цивилизация будет более сложной формой Арктической циркумполярной цивилизации, которая сумеет сохранить всё лучшее, что было в ней до прихода в северные земли индустриального человека, но преодолет её замкнутость и традиционность, приводившие к самодовлению на окраине Ойкумены. Вероятно, возникнут какие-то особые мобильные поселения, способные находиться в постоянном движении, как в метафорическом смысле (то есть ориентированные на социальные трансформации, притягивающие к себе пассионариев из разных регионов Земли), так и в пространственном смысле, перемещаясь по Арктике и тем самым открывая всё более разнообразные содержания как в природном мире, так и во внутреннем мире людей, на которые Арктика влияет. Эта модель вовсе не противоречит господствующей сейчас стратегии освоения Арктики, которая включает в себя две составляющие: освоение вахтовым методом и постоянное освоение в смысле переноса на Север индустриальных порядков. Вахтовый метод не должен сводиться к временному пребыванию в молодом возрасте и отъезду в более южные широты в возрасте зрелом, а должен включать в себя нечто, напоминающее «маятниковую миграцию», когда человек сумеет найти какой-то жизненный ритм между пребыванием на Севере, в средних широтах и на юге (словами замечательного писателя В. Санина, «не говори ты Арктике: “Прощай”, а лучше скажем: “До свидания!”»). Что же касается крупных городов индустриального типа, то они как раз могут быть преддверием подлинной Арктики и пространством обобщения коллективного опыта становления Арктической циркумполярной цивилизации, хранителями единства в многообразии арктических природных и социальных форм (опять вспоминается замечательное русское выражение о «Северах»). В этих центрах будет совершаться переработка арктических материалов в готовую продукцию, формирование субстанции для новых арктических строительных, медицинских, нано- и пр. материалов и совершаться управление генезисом Арктической цивилизации в новой форме, а также будут сосредоточены представители интеллектуальной и творческой элиты (которые могут быть вовлечены в сложные процессы «маятниковой миграции»). Освоение Арктики должно быть столь же разнообразным, как Арктика сама, а не

стандартным и чуждым самому Северу, разрушающему его богатства, как природные, так и культурные и, наконец, духовные (Север как источник творческого вдохновения).

Библиографический список

1. Шаламов В. Т. Колымские рассказы // Шаламов В. Т. Собрание сочинений. М.: Эксмо, 2009. 688 с.
2. Винокурова У. А., Яковец Ю. В. Арктическая циркумполярная цивилизация: учебное издание. 2-е изд., доп. Новосибирск: Наука, 2016. 320 с.
3. Plessner, Helmut: Die Aufgabe der philosophischen Anthropologie – Zwischen Philosophie und Gesellschaft. Berlin, 1965.
4. Новичкова Г. А. Проблема человека в педагогической антропологии Г. Плеснера. URL: https://iphras.ru/uplfile/histan/statwi/Novi4kova_Problema_4eloveka_v_pedagogi4eskoj_antropologii_Plesnera.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
5. Фихте И.-Г. Основа общего наукоучения // Фихте И.-Г. Соч. : в 2 т. СПб.: Миф-рил, 1993. Т. 1. С. 65–337.
6. Фихте И.-Г. Второе введение в наукоучение для читателей, уже имеющих философскую систему // Там же. С. 477–546.
7. Фихте И.-Г. Назначение человека // Фихте И.-Г. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 65–224.
8. Фихте И.-Г. Факты сознания // Фихте И.-Г. Назначение человека. Наукоучение : пер. с нем. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 393–544. URL: navadhi.ru/el_texts/fichte/FdB.doc (дата обращения: 20.02.2020).
9. Фихте И.-Г. О понятии наукоучения, или так называемой философии // Фихте И.-Г. Соч. : в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 1. С. 7–64.
10. Honneth, Axel: Die transzendente Notwendigkeit von Intersubjektivität: Zum zweiten Lehrsatz in Fichtes Naturrechtsabhandlung. // Honneth, Axel: Unsichtbarkeit: Stationen einer Theorie der Intersubjektivität. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 2003. S. 28–48.
11. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 4. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1987. Bd. 2. 585 S.
12. Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург: Изд-во Уральского отделения РАН, 2015. 592 с.
13. Алексеева В. И. Постулаты космической философии К. Э. Циолковского. URL: <http://www.icr.su/rus/conferencies/2013/Alekseeva.php> (дата обращения: 20.02.2020).
14. Владимирский Б. М., Кисловский Л. Д. Путиями русского космизма. Судьбы людей и идей. Влияние космоса на социальные процессы. Поиск жизни во Вселенной. М.: Либроком, 2011. 144 с.

15. Сопронов П. А. Власть как свобода, свобода как власть: И. Г. Фихте // Вестник РХГА. 2011. Т. 12. Вып. 2. С. 96–105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/vlast-kak-svoboda-svoboda-kak-vlast-i-g-fihhte> (дата обращения: 20.02.2020).
16. Ладов В. А. Язык как социокультурная детерминанта феноменологического опыта. URL: http://fsf.tsu.ru/wp_test/wp-content/uploads/lang21.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
17. Тимошук Е. А. Социокультурная феноменология политики. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32490/1/klo_2015_61.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
18. Дюркгейм Эмиль. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / пер. с англ., нем., фр., сост. и общ. ред.: А. Н. Красникова. М.: Канон +, 1998. Т. 2. С. 174–230.
19. Мир Огненный. М.: Международный Центр Рерихов, 2016. Ч. 1.
20. Железнов Ю. Д., Абрамян Э. А., Новикова С. Т. Человек в природе и обществе. Лекция 13. Ко-эволюция человека с природой и обществом на пути к ноосфере. URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/chel-l-13.html> (дата обращения: 20.02.2020).
21. Шафигуллин В. А. О некоторых идеях экологического учения Н. Н. Моисеева. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-nekotoryh-ideyah-ekologicheskogo-ucheniya-n-n-moiseeva> (дата обращения: 20.02.2020).

References

1. Shalamov V. T. Kolimskije rasskazi [Kolyma stories]. In: Shalamov V. T. Collected works. Moscow, Eksmo-Press, 2009, 688 p. (In Russ.)
2. Vinokurova U. A., Yakovets Yu. V. *Arkticheskaya zirkumpol'arnaya zivilizaciya* [Arctic Circumpolar Civilization]. 2nd ed., ext. Novosibirsk, Nauka Publ., 2016. 320 p. (In Russ.)
3. Plessner, Helmut: Die Aufgabe der philosophischen Anthropologie – Zwischen Philosophie und Gesellschaft. Berlin, 1965. (In German.)
4. Novichkova G. A. *Problema cheloveka v paedagogicheskoy antropologii G. Plessnera* [The human problem in educational anthropology of H. Plesner]. Available at: https://iphras.ru/uplfile/histan/statwi/Novi4kova_Problema_4eloveka_v_pedagogi4eskoy_antropologii_Plesnera.pdf (accessed 20.02.2020).
5. Fichte I.-G. Osnova obcshego naukoucheniya [The basis of general science] / Transl. from German into Russian. In: Fichte I.-G. Works in two volumes, vol. 1. St. Petersburg, Mithril Publ., 1993, pp. 65–337. (In Russ.)
6. Fichte I.-G. Vtoroje vvedeniye v naukoucheniye dl'a chitatel'ej, uge imejuschih filosofskuju sistemu [The second introduction to science for readers

who already have a philosophical system] / Transl. from German into Russian. *Ibidem*, pp. 477–546. (In Russ.)

7. Fichte I.-G. Naznachenije chelov'eka [The purpose of the person] / Transl. from German into Russian. In: Fichte I.-G. Op. cit., vol. 2, pp. 65–224. (In Russ.)

8. Fichte I.-G. Fakti soznaniya [The facts of consciousness] / Transl. from German into Russian. In: Fichte I.G. The purpose of the person / Transl. from German into Russian. Minsk, Harvest; Moscow, AST, 2000, pp. 393–544. (In Russ.) Available at: navadhi.ru/el_texts/fichte/FdB.doc (accessed 20.02.2020).

9. Fichte I.-G. O pon'atiji naukoucheniya, ili tak nazivajemoj filosofii [On the concept of science, or the so-called philosophy] / Transl. from German into Russian. In: Fichte I.-G. Works in two volumes, vol. 1. St. Petersburg, Mithril Publ., 1993, pp. 7–64. (In Russ.)

10. Honneth, Axel: Die transzendente Notwendigkeit von Intersubjektivität: Zum zweiten Lehrsatz in Fichtes Naturrechtsabhandlung. Honneth, Axel: Unsichtbarkeit: Stationen einer Theorie der Intersubjektivität. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 2003, S. 28–48. (In German.)

11. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 4. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1987. Bd. 2. 585 S. (In German.)

12. Golovnev A. V. *Fenomen kolonizacii* [The phenomenon of colonization]. Yekaterinburg, Publishing House of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015, 592 p. (In Russ.)

13. Alekseeva V. I. *Postulati kosmicheskoy filosofii K. E. Ziolkovskogo* [The postulates of cosmic philosophy K. E. Ziolkovsky]. (In Russ.) Available at: <http://www.icr.su/rus/conferencies/2013/Alekseeva.php> (accessed 20.02.2020).

14. Vladimirsky B. M., Kislovsky L. D. *Put'ami russkogo kosmizma* [Ways of Russian cosmism]. Moscow, Librocom Publ., 2011, 144 p. (In Russ.)

15. Sopronov P. A. Vlast' kak svoboda, svoboda kak vlast': I. G. Fichte [Power as freedom, freedom as power: I. G. Fichte]. *Vestnik RHGA* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2011, vol. 12, Issue. 2, pp. 96–105. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/vlast-kak-svoboda-svoboda-kak-vlast-i-g-fichte> (accessed 20.02.2020).

16. Ladov V. A. *Yasik kak soziokul'turnaya determinant fenomenologicheskogo opita* [Language as a sociocultural determinant of phenomenological experience]. (In Russ.) Available at: http://fsf.tsu.ru/wp_test/wp-content/uploads/lang21.pdf (accessed 20.02.2020).

17. Timoshchuk Ye. A. *Soziokul'turnaya fenomenologiya politiki* [Sociocultural phenomenology of politics]. (In Russ.) Available at: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32490/1/klo_2015_61.pdf (accessed 20.02.2020).

18. Durkheim, Emil. *Elementarnije formi religioznogo opita* [Elementary forms of religious life] / Transl. from French into Russian. Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya [Mystic. Religion. The science: Classics of world religious studies. Anthology], vol. 2. Trans. from

English, German, French into Russian. Ed.: A. N. Krasnikova. Moscow, Canon + Publ., 1998, pp. 174–230.

19. *Mir ognennij* [The Fiery World]. Part 1. Moscow, International Center of the Roerichs, 2016.

20. Gheleznov Yu. D., Abramyan E. A., Novikova S. T. *Chelovek v prirode I obcschestvi* [Man in nature and society]. Lecture 13. *Co-evolution of man with nature and society on the way to the noosphere*. (In Russ.) Available at: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/chel-l-13.html> (accessed 20.02.2020).

21. Shafigullin V. A. *O nekotoryh ideyah ekologicheskogo ucheniya N. N. Moiseyev* [About some ideas of the ecological doctrine of N. N. Moiseyev]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-nekotoryh-ideyah-ekologicheskogo-ucheniya-n-n-moiseeva> (accessed 20.02.2020).